

Глава XIII

АМЕРИКАНИСТИКА В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Перевод академических учреждений из Ленинграда в Москву начался в 1934 г. После начала Великой Отечественной войны в Москву перевели значительную часть академиков и членов-корреспондентов и стали образовывать в столице филиалы ленинградских НИИ и создавать новые НИИ. Таким образом, в декабре 1942 г. появилась московская группа Института этнографии во главе с археологом С.П. Толстовым, который одновременно являлся директором московского отделения ИИМК, заведующим кафедрой этнографии и деканом исторического факультета МГУ, секретарем отделения общественных наук АН (ООН). В январе 1943 г. Е.Э. Бломквист писала: «В качестве секретаря отделения общественных наук (С.П. Толстов. — С.К.) прислал вчера телеграмму в Институт истории (директор Греков), чтобы представили в отделение (в Москву) планы и отчеты и еще что-то. А что такое ООН сейчас? В Москве — это один Толстов» [...твои письма 2013: 161]. Отметим, что С.П. Толстов был одним из авторов статьи с говорящим названием «О методах вредительства в археологии и этнографии» [Арциховский и др. 1937].

В то время директорство обеспечивало практически пожизненное пребывание на руководящей должности, власть над людьми и распоряжение финансами. В 1943 г. С.П. Толстов перевел в Москву общее финансирование МАЭ/ИЭ и сократил штат ленинградских сотрудников на пять человек. Это были ставки сотрудников, погибших во время блокады, но на их места уже нельзя принять других людей. В 1944 г. московскую группу переименовали в отделение ИЭ АН СССР, поэтому в 1944–1948 гг. в ИЭ существовали два формально равных отделения — ленинградское и московское. В 1946 г. С.П. Толстов перехватил инициативу издания журнала «Советская этнография», который выходил в Ленинграде в 1931–1937 гг. в формате журнала, а в 1938–1947 гг. — как

сборник статей. В 1947 г. в Москве и Ленинграде издавались разные периодические издания под одним названием — «Советская этнография», из них преемником довоенного журнала был ленинградский сборник, а не новый московский журнал. Следующим шагом С.П. Толстова и его заместителя М.Г. Левина стало издание в Москве сборников «Труды Института этнографии», которые с 1947 г. стали выходить в «Новой серии» и с новой нумерацией томов. Символично выглядело посвящение первого тома новой серии ГИЭ памяти основателя московской этнографической школы, антрополога Дмитрия Николаевича Анучина (1843–1923) — тем самым было показано, что теперь центр этнографической науки находится в столице.

Переломным годом в борьбе за должность руководителя ИЭ для С.П. Толстова стал 1948 г., когда ему удалось сократить должность директора МАЭ и уволить директора ЛОИЭ Николая Николаевича Степанова (1905–1981). Никакой поддержки в МАЭ у С.П. Толстова не было, поэтому на должность нового руководителя музея он назначил сотрудника другого учреждения. В марте 1948 г. директором ленинградского отделения ИЭ назначили сотрудника ГМЭ Леонида Павловича Потапова (1905–2000), который в 1943–1946 гг. был докторантом С.П. Толстова. После этого назначения еще около года Л.П. Потапов продолжал числиться в штате ГМЭ, пока окончательно не убедился в стабильности своего положения на новом месте работы. Чтобы разрядить ситуацию, в 1949 г. после 19-летнего перерыва возобновили издание «Сборника МАЭ», и у сотрудников музея появилась возможность публиковаться.

В 1950 г. московское отделение ИЭ получило статус самостоятельного НИИ, а ленинградское отделение вместе с МАЭ стало его филиалом. С.П. Толстов занимал должность директора ИЭ до 1965 г., он неоднократно сокращал штат и таким образом избавлялся от неугодных сотрудников. В 1949 г. С.П. Толстов уволил даже такого выдающегося ученого, как член-корреспондент Дмитрий Константинович Зеленин (1878–1954). В 1948 г., когда С.П. Толстов был признанным лидером московских этнографов, в столице окончательно закрыли Музей народов СССР. В действительности С.П. Толстов всегда оставался археологом. В 1945–1960 гг. он занимался археологическими раскопками в Хорезме, на проведение которых тратилась значительная часть бюджета Института этнографии.

Американисты музея

Из эвакуации в Ленинград М.В. Степанова вернулась 14 августа 1944 г. [Решетов 2005: 130], а Е.Э. Бломквист — 17 мая 1945 г. [Решетов 1996: 11–12]. В 1945–1946 гг. на работу в музей вернулись Э.В. Зиберт и Н.Г. Шпринцин. Что касается Ю.П. Аверкиевой, то в Ленинград после войны она не вернулась, в 1947–1953 гг. она отбывала заключение по обвинению в «шпионаже», в дальнейшем работала в московском отделении ИЭ. Приказом от 21 мая 1945 г. Е.Э. Бломквист назначили заведующей группой Европы и Кавказа, а африканиста Д.А. Ольдерогге — заведующим группой Америки и Океании. Осенью 1945 г. группу Америки и Океании переименовали в группу Америки и Австралии при секторе Африки. Несмотря на то что Е.Э. Бломквист числилась в другом отделе, она не прекращала заниматься этнографией народов Америки и была неформальным руководителем американистов МАЭ. В 1947 г. в музей приняли Б.А. Липшиц. Вчетвером — Е.Э. Бломквист, Е.В. Зиберт, Н.Г. Шпринцин и Б.А. Липшиц — они занимались восстановлением экспозиций. В 1948 г. для посетителей открыли новую экспозицию зала народов Северной Америки, а в 1952 г. — экспозицию зала народов Центральной и Южной Америки.

Еще одной задачей была реставрация вещей, пострадавших во время войны из-за неправильных условий хранения. Реставратор Т.С. Земскова восстанавливала даже сильно деформированные и поврежденные предметы, возвращая им первоначальный вид. Что касается научных исследований, то в 1950-е годы все американисты как в Ленинграде, так и в Москве занимались подготовкой к печати двух томов по народам Америки в рамках многотомного издания «Народы мира». Из четырех разделов и четырнадцати глав первого тома книги «Народы Америки» ленинградские ученые были авторами и соавторами двух разделов и тринадцати глав. В 1948 г. произошло разделение специалистов МАЭ по зарубежным народам, сектор Африки стал самостоятельным структурным подразделением, и был создан сектор Америки, Австралии и Океании во главе с Николаем Александровичем Бутиновым (1914–2000). Постепенно происходила ротация американистов МАЭ, на рубеже 40–50-х годов в аспирантуре ИЭ за сектором Америки, Австралии и Океании числилась О.В. Гиршфельд,

в 1952 г. на работу в музей пришла Р.Г. Ляпунова, в 1953 г. — Ю.В. Кнорозов, в 1957 г. — Р.В. Кинжалов и Д.А. Сергеев.

М.В. Степанова после возвращения из эвакуации проработала в музее более двух лет. Она работала над кандидатской диссертацией «Коренное население Русской Америки XVIII–XIX вв.». Диссертационные материалы М.В. Степановой были опубликованы в виде четырех статей, из них только одну статью издали при жизни автора [Степанова 1944а, 1947, 1947а, 1949]. План диссертации и несколько тезисов ее разделов — «Социальная организация алеутов», «Умиачные объединения американских эскимосов» и др. — находятся на хранении в Архиве МАЭ [Жуковская, Корсун 2010: 255–256]. Также осталась неопубликованной ее большая статья (56 страниц) «Гренландские эскимосы (аммасалики)». Занималась М.В. Степанова и изучением этнографии народов Сибири, она участвовала в подготовке раздела «Юагиры» для тома «Народы Сибири». Скончалась М.В. Степанова от сердечного приступа в декабре 1946 г. в возрасте 45 лет. В ее некрологе Е.Э. Бломквист писала: «Диссертационная работа уже близилась к своему завершению, перед Марией Васильевной вставали возможности поездки на Командорские острова, она уже начала готовиться к длительным исследованиям командорских алеутов, когда преждевременная смерть оборвала ее кипучую деятельность» [Бломквист 1947: 215].

В 1959 г. вышел первый том издания «Народы Америки». Глава «Алеуты» из этого тома более чем на 95 % повторяет текст рукописи М.В. Степановой, хотя ее авторами указаны Г.А. Трайнин, М.В. Степанова и Р.Г. Ляпунова [Народы Америки 1959, I: 6]. При этом составители тома в его библиографическом указателе перечислили не все публикации, на которые М.В. Степанова ссылалась в своей статье. Раздел об алеутах М.В. Степанова написала еще в 1940 г. для «Очерков по этнографии народов зарубежных стран» [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 1. № 82. Л. 79–112].

Е.Э. Бломквист продолжила работу в музее в должности старшего научного сотрудника. Как отмечалось, в мае 1945 г. ее назначили заведующей группой Европы и Кавказа. В то же время она продолжала заниматься изучением этнографии народов Америки. Это было вызвано тем обстоятельством, что в штате ИЭ было мало американистов и том по народам Северной Америки в серии «Народы мира» было некому писать. Е.Э. Бломквист стала автором

и соавтором шести из четырнадцати глав этого труда [Народы Америки 1959, I].

Также в 50-е годы Е.Э. Бломквист работала над историей изучения в России языков народов Русской Америки. Она провела тщательное исследование на основе большого количества архивных источников и ввела в научный оборот многие ранее неизвестные материалы [Бломквист 1975]. «История изучения языков» была плановой темой научной работы для сотрудников ИЭ/МАЭ. Ее утверждение было связано с развернувшейся в начале 50-х годов критикой яфетической теории академика Н.Я. Марра в языкознании. Статью по истории изучения языков народов Африки в России подготовил Д.А. Ольдерогге [Ольдерогге 1975]. Сибиревед Иннокентий Степанович Вдовин (1907–1996) опубликовал монографию «История изучения палеоазиатских языков», ее отдельные разделы посвящены языкам азиатских эскимосов и алеутов [Вдовин 1954: 76–79, 83–90, 126–141, 162–164]. Что касается других работ Е.Э. Бломквист по этнографии народов Русской Америки, то она сделала детальное описание рисунков И.Г. Вознесенского [Бломквист 1951] и была одним из ответственных редакторов нового издания книги Л.А. Загоскина [Загоскин 1956].

Продолжала Е.Э. Бломквист и изучение этнографии ирокезов. В 1951 г. вышла ее статья «Дискриминация ирокезов в Соединенных Штатах Америки», несмотря на название, это серьезное научное исследование [Бломквист 1951a]. Е.Э. Бломквист готовила к печати монографию Л.Г. Моргана «Лига ирокезов». Она отредактировала свой перевод 1938 г. и написала две сопроводительные статьи: «Л.Г. Морган и его “Союзирокезов” в свете современной этнографии» и «Современные ирокезы». Однако в 50-е годы монография «буржуазного» ученого Л.Г. Моргана так и не вышла в Советском Союзе. Представляется, что причиной отказа от ее публикации было опасение руководства ИЭ совершить идеологическую ошибку. В то время работы известных советских академиков неожиданно подвергались резкой критике, и не было гарантий, что труды Л.Г. Моргана не постигнет та же участь.

Е.Э. Бломквист работала в музее до июля 1956 г. В ее некрологе сказано: «Евгения Эдуардовна уделяла большое внимание и музейной работе. Мало того, она считала себя прежде всего именно музейным работником. Действительно, не было ни одной стороны музейного дела, которая оставалась бы ей неизвестной. Она

прекрасно знала не только музейно-хранительское дело и вопросы экспозиции, но была хорошо знакома также со всеми вопросами научно-просветительской деятельности музея. Сама в прошлом экскурсовод и лектор, она прекрасно проводила занятия с экскурсоводами и младшими сотрудниками, знакомя их с этнографией Америки и музейным делом. Выполненная под ее руководством экспозиция отдела Северной Америки, открытая в новом помещении вскоре после окончания войны, принадлежит к числу лучших экспозиций Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР. <...> Отзывчивая ко всякой нужде, всегда готовая помочь и советом, и материально, она была, однако, строга и требовательна во всем, что касалось науки, требовательна и к себе, и к другим» [Евгения... 1956: 172].

Н.Г. Шпринцин в 1946 г. восстановили в должности младшего научного сотрудника, за двадцать лет работы в МАЭ (1925–1941, 1946–1950 гг.) она не подготовила кандидатскую диссертацию. В 1948 г. Н.Г. Шпринцин опубликовала книгу Г.Г. Манизера об экспедиции академика Г.И. Лангсдорфа в Бразилию [Манизер 1948]. В дальнейшем публиковала материалы участников первой и второй русских экспедиций в Южную Америку.

Н.И. Гаген-Торн вспоминала о встрече с Н.Г. Шпринцин в 1945 г.: «Она так сердечно, так дружески отнеслась ко мне, когда я в 1945 г. приезжала в Ленинград искать, не сохранилась ли моя диссертация. <...> Мы вспоминали молодость, она пригласила меня в филармонию, дала карточку в академическую столовую на те дни, что я была в Ленинграде» [Гаген-Торн 2009: 243]. Как отмечалось, в 1947 г. Н.И. Гаген-Торн арестовали во второй раз, тогда же стала известна роль Н.Г. Шпринцин в арестах сотрудников МАЭ [Гаген-Торн 1994: 116], после этого отношение к ней коллег стало крайне настороженным. Когда в 1950 г. из Москвы поступило очередное распоряжение о сокращении штата, Н.Г. Шпринцин сразу же уволили. Список статей Н.Г. Шпринцин опубликован в ее некрологе [Ноэми 1964].

Э.В. Зиберт в 50-е годы опубликовала несколько статей по музееведению и этнографии народов Латинской Америки. Она принимала участие в подготовке сборника «Индейцы Америки» и второго тома книги «Народы Америки», для которого написала четыре главы: «Индейцы области Чако», «Индейцы районов Пампы и Патагонии», «Арауканы», «Огнеземельцы» [Народы Америки

1959, II: 335–390]. Необходимо отметить ее публикацию рисунков Ф.А. Фиельструпа [Зиберт 1955] и обзорную статью по собранию А.В. Фрича [Зиберт 1961]. В 1962 г. под редакцией Э.В. Зиберт с ее вступительной статьей и примечаниями вышел сборник легенд и сказок индейцев Латинской Америки [Легенды 1962]. Это была одна из первых публикаций на русском языке фольклора латиноамериканских индейцев.

Э.В. Зиберт всегда старалась избегать «публичности». Когда ей приходилось принимать участие в различных заседаниях и совещаниях, то она придерживалась официальной точки зрения. В 1953 г. на заседании сектора Америки, Австралии и Океании Д.Д. Тумаркин предложил пересмотреть вопрос о существовании у гавайцев семьи типа «пуналуа», основанной на групповом браке, и таким образом он «опровергал самого Энгельса». Д.А. Ольдерогге вспоминал: «При этом одна из участниц обсуждения, Э.В. Зиберт, напомнила, что писал В.И. Ленин в книге “Государство и революция” о книге Энгельса: “Там можно верить каждому слову”» (цит. по: [Попов 2004: 466]).

Э.В. Зиберт была награждена медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За оборону Ленинграда» и «250 лет Ленинграда» (этой медалью ее наградили в 1953 г. в связи с юбилеем основания города).

Бэла Ароновна Липшиц (Гаркави, 1920–2007) работала в музее с 1947 по 1952 г., занималась изучением коллекций по народам Аляски и историей их собирания. В период 1948–1956 гг. Б.А. Липшиц опубликовала семь статей, которые указаны в библиографии трудов ИЭ [Библиография 1967: 29, 34, 41, 53, 213, 218]. Еще одна ее статья была издана в ИВГО [Липшиц 1950]. В соавторстве с С.А. Токаревым она подготовила политизированную публикацию «Как американский империализм развращает негритянскую интеллигенцию» [Липшиц, Токарев 1953]. Б.А. Липшиц участвовала в переиздании книги Л.А. Загоскина, для которой написала статью о вкладе Л.А. Загоскина в этнографию и составила аннотации к предметам его коллекции [Липшиц 1956, 1956а]. Эти разделы были исключены американскими специалистами при издании книги Л.А. Загоскина в Канаде [Lieutenant 1967].

Ольга Владимировна Гиршфельд в конце 40-х годов работала над кандидатской диссертацией по метательным дощечкам народов Америки, Австралии и Океании. Она опубликовала только

одну статью «Копьеметалки по материалам этнографических музеев Ленинграда и Москвы» [Гиршфельд 1953]. В этой статье в виде приложения О.В. Гиршфельд перечислила метательные дощечки алеутов и эскимосов не только из собрания МАЭ, но и из коллекций ГМЭ, Музея антропологии при МГУ и московского Музея народов СССР. По ее сведениям, в собрание Музея народов СССР входили 15 алеутских метательных дощечек из сборов В.И. Иохельсона. В Музее антропологии при МГУ имелись две метательные дощечки и в ГМЭ — 15 (из них четыре дощечки являются изделиями алеутов о. Уналашки, три — алеутов Командорских островов и две — эскимосов о. Нунивак) [Там же 1953: 116–118]. Аспирантуру О.В. Гиршфельд не окончила и диссертацию не защитила.

Роза Гавриловна Ляпунова (1928–1992) в 1947 г. поступила на отделение этнографии Восточного факультета ЛГУ, специализировалась на изучении населения Поволжья. В 1950 г. отделение этнографии закрыли, а его студентов перевели на исторический факультет. В 1952 г., после окончания университета, Р.Г. Ляпунову приняли на работу в МАЭ на должность старшего научно-технического сотрудника сектора Америки, Австралии и Океании. В первые годы работы в музее она занималась учетно-хранительской деятельностью. Научные исследования по изучению алеутского собрания МАЭ Р.Г. Ляпунова стала проводить в конце 50-х годов. Ее первая статья вышла только в 1963 г., хотя формально первая публикация Р.Г. Ляпуновой относится к 1959 г. Как отмечалось, в 1959 г. в первом томе издания «Народы Америки» опубликовали главу «Алеуты», авторами которой указаны Г.А. Трайнин, М.В. Степанова, Р.Г. Ляпунова [Народы Америки 1959, I: 132–150]. Р.Г. Ляпунова или внесла в рукопись этой главы отдельные добавления, или подобрала для нее иллюстрации, но не участвовала в ее написании.

О начале своей научной деятельности Р.Г. Ляпунова вспоминала: «Сначала мое внимание привлекли предметы материальной культуры и искусства алеутов. <...> И первые мои работы носили чисто музейный характер. Уже позднее я перешла от изучения коллекций к изучению алеутов вообще: их истории, развития культуры, происхождения. Причем в первые годы работы над этой темой я занималась только историей Аляски и американскими алеутами. <...> Второй моей темой является источниковедение по истории Аляски. Это историографическая работа, основная ее за-

дача — нахождение и опубликование рукописей по истории и этнографии Русской Америки» [Филимонова 1988: 2].

Юрий Валентинович Кнорозов (1922—1999) в 1939 г. поступил на исторический факультет Харьковского государственного университета. К началу войны окончил два курса и после занятия Харькова немецкими войсками оказался на оккупированной территории. В феврале 1943 г. ему удалось перейти линию фронта. По состоянию здоровья — из-за крайней степени дистрофии — в армию Ю.В. Кнорозова не призвали. Он поселился под Воронежем, где преподавал историю в сельской школе. В октябре 1943 г. приехал в Москву. Так как у него были все необходимые документы, включая зачетную книжку Харьковского государственного университета, ему удалось оформить перевод на кафедру этнографии исторического факультета МГУ. Оценки за 1943—1944 гг. Ю.В. Кнорозову проставили в старую зачетную книжку. В марте 1944 г. его призвали в армию. Ю.В. Кнорозов был награжден медалью «За победу над Германией». В сентябре 1945 г. как студента дневного отделения вуза его демобилизовали, и он восстановился на III курсе исторического факультета МГУ. Университет Ю.В. Кнорозов окончил в 1948 г. По распределению поехал в Ленинград, где в 1949—1953 гг. работал младшим научным сотрудником ГМЭ.

В 1952 г. Ю.В. Кнорозов опубликовал статью «Древняя письменность Центральной Америки» [Кнорозов 1952]. И.Г. Константинова отметила: «Молодой ученый в этой своей статье возразил корифею немецкой американистики Паулю Шельхасу. Кнорозов прочитал его статью “Расшифровка письменности майя — неразрешимая проблема” и позволил себе не согласиться с виднейшим лингвистом. Это был вызов. Дерзкий вызов. Глубокую убежденность немецкого ученого в невозможности расшифровать письменность майя полностью разделял и видный американский специалист по культуре майя Эрик Томпсон, который писал, что в России, по его сведениям, никогда не было дешифровок, а следовательно, и быть не может. Однако другой видный ученый — мексиканский археолог Мигель Коваррубиас — с огорчением отметил, что в вопрос о письменности майя, к сожалению, вмешалась политика и вместо научной критики появляются статьи в духе “холодной войны”» [Константинова 1980: 127].

В августе 1953 г. Ю.В. Кнорозов перешел на работу в МАЭ/ЛОИЭ. Он перевел с испанского книгу Диего де Ланда «Сообщение

ния о делах в Юкатане» — подлинную энциклопедию по культуре древних майя. В ее предисловии Ю.В. Кнорозов изложил свои принципы дешифровки иероглифического письма майя, которые принесли молодому ученому широкую известность среди лингвистов [Ланда 1955]. В 1955 г. он представил работу «Сообщение о делах в Юкатане» Диего де Ланда как историко-этнографический источник» для защиты в качестве кандидатской диссертации. Его защиту назначили на 29 марта в ИЭ АН СССР в Москве. В диссертации Ю.В. Кнорозов доказывал наличие у древних майя фонетического письма, а советская историческая наука исходила из постулата Ф. Энгельса, что в доколумбовой Америке не было государств и, соответственно, не могло быть письменности, которая возникает только в классовых обществах. Поэтому Ю.В. Кнорозова могли обвинить в ревизионизме марксизма со всеми вытекающими последствиями — увольнением с работы и арестом.

Он вспоминал: «Перевел я на русский язык книгу испанского миссионера Диего де Ланды <...> и к своему ужасу обнаружил, что у майя были и письменность, и армия, и административный аппарат, значит — у них было государство! А у Энгельса сказано, что майя достигли лишь состояния варварства. Попробуй в 1955 г. скажи что-нибудь против Энгельса, времена были еще сталинские! Сразу объявят “контрой” не только тебя, но и руководителя диссертации. Как быть? Мой куратор С.П. Толстов находит блестящий выход из почти безнадежной ситуации — Энгельс не владел всеми источниками по истории майя, поэтому Кнорозов не *опровергает* его, а *вносит вклад* в развитие марксизма!» (цит. по: [Кузьмин 2011: 26]). Диссертационный совет ИЭ единогласно присудил Ю.В. Кнорозову ученую степень не кандидата, а доктора исторических наук. В 1955 г. он опубликовал первую монографию «Система письменности древних майя» [Кнорозов 1955]. Тогда же его доклад «Краткие итоги изучения древней письменности майя в Советском Союзе» был представлен на X Международном конгрессе историков в Риме.

В 1956 г. Ю.В. Кнорозов участвовал в работе XXXII Международного конгресса американистов в Копенгагене, где рассказал о своих методах дешифровки: «Единственным оппонентом по докладу Ю.В. Кнорозова был делегат из ФРГ д-р Т. Бартель, выступивший после Ю.В. Кнорозова с докладом “Противоречивое положение в исследовании письменности майя”. <...> Он отказался

признать заслуги советской науки в области изучения письменности майя на том основании, что сходные взгляды высказывались еще в XIX в. Путанные и явно необъективные высказывания д-ра Бартеля не встретили поддержки» [Золотаревская, Окладников 1957: 158]. В наше время историк Г.Г. Ершова так прокомментировала доклад Т. Бартеля: «А претензии, предъявленные к молодому советскому ученому немцем Томасом Бартелем, носили характер упреков в том, что он в своей работе буквально “посягнул на чужое” — использовал знаки Ланды и “других предшественников”. Правда, индейцев майя среди “владельцев знаков” не упоминали. Кроме того, оппоненты почему-то и не вспоминали, что ни один из так называемых предшественников не читал иероглифических текстов!» [Ершова 2004: 96].

В 50-е годы Ю.В. Кнорозов неоднократно встречался с индейцами майя — студентами ЛГУ, деятелями культуры и учеными из стран Латинской Америки. В тот период МАЭ посещали не только этнографы, но и представители международного рабочего и коммунистического движения. В 1954 г. музей осматривали Сальвадор Альенде и Пабло Неруда из Чили. Тогда же МАЭ посетил бразильский писатель Э. Крус Диас (псевдоним — Маркиш Ребелу, 1907—?). Он передал в дар коллекцию игрушек и музыкальных инструментов бразильцев и индейцев каража (№ 6134). От директора Музея народного искусства Университета Сантьяго Томаса Лаго (Т. Лаго) в МАЭ поступила коллекция игрушек чилийцев (№ 6142). Еще одна коллекция игрушек из этого музея была передана в 1956 г. (№ 6238). В 1955 г. МАЭ посетила делегация деятелей культуры Латинской Америки. В ее состав входили представители Бразилии Ф. Пейшоту и Т. Са, которые передали от имени директора Музея индейцев в Рио-де-Жанейро Дарси Рибейро (D. Ribeiro, 1922—1997) отдельные предметы индейцев каража (№ 6242), изделия народных промыслов бразильцев (№ 6241) и несколько фотографий бороро, офайе и др. Член этой делегации от Парагвая К. Диас подарила несколько предметов женского костюма (№ 6240).

В 1956 г. МАЭ посетил Хакобо Арбенс Гусман (1913—1971), который в 1951—1954 гг. занимал пост президента Гватемалы. В книге отзывов он сделал запись: «С глубоким волнением мы посетили этот замечательный музей, <...> где мы имели честь познакомиться с любезным советским ученым Ю. Кнорозовым, которому

стольким обязан наш народ майя. Считаем, что это является символом уважения советского народа ко всем народам» (цит. по: [Вологодина 2004: 9]). В 1962 г. МАЭ посетили мексиканский посол Сапата Вела и национальный герой Мексики генерал Эриберто Хара (Е. Jara, 1879–1968) — член Всемирного совета мира, лауреат Международной премии мира, лауреат Ленинской премии мира и т.д. Они встретились с сотрудниками отдела Америки и с большим интересом прослушали сообщение Ю.В. Кнорозова о дешифровке письменности майя.

Ростислав Васильевич Кинжалов (1920–2006) из-за болезни окончил школу в возрасте 21 года, все выпускные экзамены сдал на отлично [Кинжалов 2013: 38–40]. Летом 1941 г. как медалиста его зачислили на филологический факультет ЛГУ без сдачи экзаменов. В августе 1941 г. он добровольцем ушел на фронт, служил санитаром в госпитале, в 1942 г. был комиссован из-за высокой степени близорукости. В октябре 1942 г. Р.В. Кинжалов приехал в Саратов, где в то время в эвакуации находился Ленинградский университет, и приступил к занятиям. В ноябре 1945 г. после возвращения в Ленинград он поступил на работу в отдел Востока Государственного Эрмитажа. Однажды Р.В. Кинжалов открыл один из шкафов и с изумлением увидел несколько древних перуанских сосудов и три каменные мексиканские маски. В то время среди сотрудников Эрмитажа была распространена поговорка: «В Эрмитаже, как в Греции, есть все». Р.В. Кинжалов начал систематические поиски по другим отделам и обнаружил около трехсот предметов американских древностей [Там же: 142–143].

Р.В. Кинжалов был знаком с Ю.В. Кнорозовым по переписке с 1941 г., весной 1946 г. состоялось их личное знакомство. Р.В. Кинжалов писал: «Выглядел он несколько диковатым, даже не в смысле одежды (он был в ватнике и ушанке), а по отрывистой речи, жестикуляции и т.д. Он представился студентом МГУ, кажется, V курса, и сказал, что его мечта — заняться дешифровкой письма майя и что ему хотелось бы работать со мной» [Там же: 212]. В 1948 г. Р.В. Кинжалов начал сотрудничать с МАЭ, 3 марта на заседании группы Америки и Австралии при секторе Африки он прочитал доклад «Современное состояние дешифровки письменности майя». В 1956 г. Р.В. Кинжалов защитил кандидатскую диссертацию по Античности и тогда же организовал первую выставку американских древностей Государственного Эрмитажа.

О переходе в МАЭ в феврале 1957 г. он вспоминал: «В 1956 г. неожиданно умерла старший научный сотрудник сектора Америки Евгения Эдуардовна Бломквист. Юрий Валентинович Кнорозов предложил мне перейти в МАЭ на освободившуюся вакансию. После некоторых колебаний я согласился и, написав заявление, отдал ему. Юрий Валентинович был учеником и любимцем директора института Сергея Александровича Токарева (заведующего московским сектором Америки, Австралии и Океании. — С.К.), и, казалось, причин для беспокойства у меня не было. Но на деле оказалось не совсем так. Недели через две я узнал, что Леонид Павлович (Потапов. — С.К.) обещал зам. директора московской части Максиму Григорьевичу Левину взять на освободившееся место его ученика Дориана Сергеева. Об этом мне поведал Кнорозов. Но, в конце концов, все закончилось благополучно, и мы были оба зачислены в штат» [Кинжалов 2006: 158–159].

После перехода в МАЭ Р.В. Кинжалов продолжал поддерживать деловые отношения со своими коллегами из Государственного Эрмитажа. Когда в 1961 г. в Эрмитаже состоялась международная выставка «Искусство Мексики», Р.В. Кинжалова пригласили в качестве ее консультанта и редактора каталога [Искусство 1961]. На открытии этой выставки присутствовал директор Национального института антропологии и истории Мехико Эусебио Давалос Уртадо (E. Davalos, 1909–1968). В сопровождении Р.В. Кинжалова он посетил МАЭ.

Дориан Андреевич Сергеев (1928–1984) в детстве жил на Чукотке, где его мать К.С. Сергеева в 1933–1934 и 1938–1941 гг. работала учителем в поселке Урелики (бухта Провидения). Во время войны она преподавала в алеутском селении Преображенском на острове Медном, соответственно несколько лет Д.А. Сергеев прожил среди командорских алеутов. В 1948 г. он поступил на факультет народов Севера ЛГУ, в дальнейшем учился на кафедре археологии исторического факультета. В студенческие годы Д.А. Сергеев участвовал в нескольких археологических экспедициях, в том числе под руководством А.П. Окладникова. После окончания университета Д.А. Сергеев возвратился на Чукотку и стал работать школьным учителем в Урелики. В 1955 г. во время летних каникул вместе со старшеклассниками он совершил несколько археологических разведок на восточном побережье Чукотки.

Вблизи поселка Уэлен Д.А. Сергеев открыл Уэленский могильник, который впоследствии получил широкую известность: «Уэленский древний эскимосский могильник находится всего в 170 м от современного поселка Уэлен, расположенного на побережье Чукотского моря. Часть каменных кладок могильника кое-где выступала на поверхность, но могильник оставался долгое время неизвестным не только специалистам, посещавшим в разное время поселок Уэлен, но даже местным жителям. Жители поселка частично раскапывали отлогие склоны юго-западнее могильника в поисках старого моржового клыка для изготовления орудий и различных поделок. На этих же участках проводил свои археологические исследования С.И. Руденко, однако все эти работы не затронули территорию могильника. Лишь в 1955 г. совершенно случайно, при производстве небольших земляных работ на поверхности плато между поселком и маяком, траншея разрешила два погребения. Местные жители передали Д.А. Сергееву, работавшему тогда учителем Уреликской средней школы, найденные во время земляных работ предметы. Другие предметы были раскопаны группой Д.А. Сергеева при расчистке частично разрушенных траншеей погребений» [Арутюнов, Сергеев 1969: 37].

Благодаря знакомству Д.А. Сергеева с И.П. Лавровым, который с 1955 г. был руководителем косторезной мастерской в Уэлене, об открытии Уэленского могильника стало известно М.Г. Левину. Он проявил большой интерес к изучению этого памятника и содействовал устройству Д.А. Сергеева на работу в МАЭ. Переехать с Чукотки в Ленинград и устроиться на работу в научно-исследовательский институт было большой удачей для 28-летнего Д.А. Сергеева.

Для раскопок Уэленского могильника в 1957 г. создали отдельный Чукотский отряд Северной экспедиции московского ИЭ под руководством М.Г. Левина. Раскопки этого памятника продолжались в 1957–1960 гг. в течение четырех полевых сезонов. Результаты исследований сразу же вводились в научный оборот. Во время раскопок Уэленского могильника Д.А. Сергеев сочетал археологические и этнографические методы исследований. Он привлек пожилых эскимосов к участию в раскопках, в процессе которых они комментировали особенности погребального обряда, назначение отдельных предметов, преимущества или недостатка орудий охоты и т.д. Д.А. Сергеев писал: «В поселке Сире-

ник в 1955 г. старик-охотник Тагруге, назвав показанный ему “крылатый предмет” словом *нанек’ытак’*, сказал, что он выполнял на каяке роль брештука-украшения. Мнение Тагруге подтвердил не менее опытный зверобой-охотник Панауге, в 1956 г. — эскимос Ульгун, а в 1960 г. — эскимос Утоек из Наукана» [Сергеев 1968: 156]. Такой комплексный этнографо-археологический метод исследований позволил связать памятники древности с современностью, сделать этнографическую интерпретацию материала полутора-двухтысячелетней давности. Это был новый метод в археологическом изучении эскимосской культуры.

* * *

Что касается пополнения музейных фондов в послевоенный период, то в 1947 г. поступила коллекция археологических находок и их копий от Национального института антропологии и истории Мехико (№ 4802). В 1950 г. из московского Музея восточных культур (Музей искусств народов Востока) поступило несколько предметов индейцев Равнин (№ 5959). В 1951 г. из Артиллерийского исторического музея передали одежду мексиканцев (№ 6100) и коллекцию по индейцам Северной Америки (№ 6055). В 1954 г. из ВОКС в Ленинграде поступило восемь мексиканских кукол в национальных костюмах (№ 6101).

В 1953 г. после закрытия «Выставки подарков И.В. Сталину» МАЭ получил ее латиноамериканские коллекции: два предмета от аргентинской делегации (№ 6112) и семь предметов от бразильской делегации, включавшие вещи индейцев урубубу (№ 6113). Эти коллекции были переданы на выставку в 1949 г. В коллекцию, поступившую на «Выставку подарков И.В. Сталину» в 1950 г., входили вещи, подаренные деятелями коммунистического и рабочего движений Мексики: Т. Альваресом, Э. Виситасьон, Х. Диегисом, Х.Х. Кампо, Э. Лерма, Лискано, Х. Суаресом (№ 6114).

Продолжали поступать отдельные предметы и небольшие коллекции от советских ученых, побывавших в Латинской Америке. От Н.А. Якимовой в 1955 г. поступило мексиканское сомбре-ро. В 1958 г. биолог Борис Александрович Зенкович посетил Университет г. Консепсьон в Чили, где получил в дар коллекцию каменных наконечников арауканов. Он писал: «Институтом геологии и недр руководит проф. Мюллер. В его лаборатории не только геологические образцы, но и небольшой палеонтологический

музей с отделом археологии. Тут собраны предметы материальной культуры древнего населения. Ассистент Мюллера подарил мне на память три наконечника стрел из древних арауканских поселений, остатки которых он обнаружил во время последних раскопок» [Зенкович 1960: 271]. В 1963 г. Б.А. Зенкович передал эту коллекцию и несколько других предметов в МАЭ (№ 6695).

В 1959 г. из Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина передали три коллекции — по культуре канадцев (№ 6387), эскимосов (№ 6388) и ирокезов (№ 6389). В 1959 г. от Комитета молодежных организаций СССР (Москва) поступила коллекция одежды сальвадорцев (№ 6390). Тогда же поступили два резных блюда перуанского художника И. Флореса (I. Flores), которые передал сотрудник Института Латинской Америки АН Юрий Александрович Зубрицкий (1923–2007). В конце 1950-х годов Москву посетил директор Археологического музея при Университете Сан-Симона в Боливии Д.Э. Ибарра Грассо (Ibarra Grasso). В дальнейшем он поддерживал контакты с сотрудниками сектора Америки в Москве. В 1962 г. от имени Д.Э. Ибарра Грассо в МАЭ передали археологическую коллекцию каменных орудий, найденную во время раскопок в районе Вискачини в Боливии (№ 6507).

Научные связи с датскими и американскими учеными

Советские и датские исследователи Арктики проявляли большой интерес к работе друг друга. В 1935 г. на русском языке издали книгу К. Расмуссена по результатам работы пятой экспедиции Туле [Расмуссен 1935]. В 1938 г. К. Биркет-Смит пригласил советских исследователей на II МКАЭН в Копенгагене. В 1953 г. в Москве вышел сборник «Гренландия», включавший статьи датских этнографов и археологов: Э. Холтведа (E. Holtved, 1899–1981), К. Биркет-Смита, Х. Ларсена, Э. Миккельсена, П. Хансена [Гренландия 1953]. В предисловии к этому сборнику приведена необоснованная критика в адрес датских и американских ученых. Во времена сталинизма без подобных «обличений» сборник статей «буржуазных» авторов опубликовать было невозможно.

В августе 1956 г. в Копенгагене состоялся XXXII Международный конгресс американистов, его председателем был К. Биркет-Смит. В работе конгресса участвовали 328 ученых из 34 стран. Сре-

ди них были: Д. Келли, У. Лафлин и Р. Лоуи из США, П. Риве из Франции, Т. Хейердал из Норвегии, А. Касо из Мексики, Р. Жирар из Гватемалы, Г. Бальдус из Бразилии. От Советского Союза на конгресс командировали московского этнографа Ирину Александровну Золотаревскую и ленинградского археолога А.П. Окладникова. Он настоял на участии в составе советской делегации Ю.В. Кнорозова. И.А. Золотаревская представила доклад «Этнографические материалы из Америки в русских коллекциях», подготовленный совместно с Е.Э. Бломквист и Э.В. Зиберт [Zolotarevskaja, Blomkwist, Zibert 1958]. Ю.В. Кнорозов рассказал о своих методах дешифровки иероглифической письменности древних майя [Кнорозов 1956], его доклад вызвал большой интерес и научную дискуссию [Кнорозов 1956а]. А.П. Окладников зачитал сообщение М.Г. Левина «Антропологический тип северо-восточных палеоазиатов и проблема их этногенеза» и представил свой доклад «Древние культуры и культурно-этнические связи на тихоокеанском побережье Северной Азии»: «Доклад советского археолога А.П. Окладникова привлек большую аудиторию. По просьбе слушателей руководство секции арктической этнологии и археологии выделило дополнительное время для обсуждения этого доклада. Основной вопрос, интересовавший специалистов, — выяснение древнейших истоков (мезолитических и неолитических) эскимосской культуры, роль Дальнего Востока в формировании эскимосской культуры» [Золотаревская, Окладников 1957: 158].

Участники советской делегации с особым интересом заслушали выступления Х. Ларсена «Материальная культура нунамиутов в связи с другими формами эскимосской культуры в Северной Америке», Р. Лоуи «Концепция культурных ареалов Северной и Южной Америки» и У. Лафлина о результатах археологических раскопок на Алеутских островах. Он разделил «древнеалеутскую культуру на два хронологических этапа, палеоалеутский и неоалеутский, и дал характеристику материальной культуры древних алеутов» [Там же].

Об Уильяме Лафлине (William Sceva Laughlin, 1919–2001) необходимо сказать отдельно, так как в дальнейшем он будет активно участвовать в совместных советско-американских научных проектах. В 1938–1941 гг. У. Лафлин учился в Университете г. Салем в Орегоне, в 1941–1942 гг. продолжил образование в Пенсильвании, где прослушал курс лекций Фредерики де Лагуны

(F. de Laguna, 1906–2004). В 1949 г. защитил диссертацию по физической антропологии в Гарвардском университете, в 1949–1955 гг. преподавал в Орегонском университете, в дальнейшем работал в Висконсинском университете в Мадисоне. В 1969 г. возглавил лабораторию физической антропологии Коннектикутского университета в Сторрсе. Как упоминалось, в 1938 г. У. Лафлин посетил Командорские острова в составе экспедиции А. Хрдлички. Полевые исследования среди алеутов У. Лафлин возобновил в 1948 г. в составе экспедиции Гарвардского университета, затем проводил исследования на Алеутских островах в 1949, 1950 и 1952 гг. Во время этих экспедиций У. Лафлин работал вместе с учеником Ф. Боаса, лингвистом Гордоном Маршем, который хорошо владел алеутским и русским языками. Всего У. Лафлин совершил 26 экспедиций на Алеутские острова.

Подводя итоги XXXII Международного конгресса американистов, И.А. Золотаревская и А.П. Окладников отметили: «Многочисленные экспедиции датских ученых — Расмуссена, Кай Биркет-Смита, Матиассена и других — заложили фундамент эскимосоведения. Не удивительно, что доклады датских археологов и этнографов — специалистов по эскимосской культуре — вызвали глубокий интерес. На конгрессе были доложены неизвестные ранее факты истории древних эскимосов Гренландии и севера американского континента. Известный датский исследователь Айгиль Кнут дал детальную характеристику древних палеоэскимосских памятников Гренландии и более поздних, неоэскимосских — типа Туле. Открытие древнейшей эскимосской культуры замечательно и тем, что в кремневом инвентаре ее наблюдаются общие черты с открытыми за последние десять лет неолитическими памятниками северо-востока Азии, особенно долины Колымы и Чукотского полуострова. А это дает возможность искать реальные корни палеоэскимосской или даже палеоиндейской (для Аляски и Северной Америки) культуры на территории СССР» [Золотаревская, Окладников 1957: 157].

Почти одновременно с конгрессом в Копенгагене в сентябре 1956 г. в Филадельфии (США) состоялся V МКАЭН. В его работе от ИЭ участвовали африканисты Д.А. Ольдерогге, И.И. Потехин и антрополог Г.Ф. Дебец. Кроме своих сообщений, они представили стендовые доклады М.Г. Левина, Б.О. Долгих, Л.П. Потапова и других советских ученых. Председателем V МКАЭН был извест-

ный специалист по археологии американской Арктики, директор МААУП в 1947–1976 гг. Ф.Г. Рейни. Он восстановил связи с советскими коллегами. Г.Ф. Дебец, Д.А. Ольдерогге и И.И. Потехин отметили: «Для советской делегации особое значение конгресса состоит в том, что впервые представилась возможность широко ознакомить зарубежных ученых с состоянием и основными теоретическими установками советской этнографии и антропологии, завязать широкие связи, многочисленные личные контакты. В беседах с руководящими деятелями американской этнографии нам удалось наметить некоторые конкретные мероприятия по обмену научной информацией. <...> Еще до начала работы конгресса мы имели возможность ознакомиться с Американским музеем естественной истории в Нью-Йорке; таким образом, членам нашей делегации удалось посетить четыре крупнейших музея США: этнографические музеи Нью-Йорка, Филадельфии, Вашингтона и Чикаго.

В заключении надо отметить исключительно дружеский прием, оказанный нам со стороны руководства конгресса, в частности его президента проф. Рейни, и всех ведущих этнографов Америки. В честь советской делегации было устроено во время конгресса несколько приемов, и ее участие в заседаниях конгресса специально отметили в своих речах на заключительном обеде старейшие члены и руководители конгресса — профессора А. Кребер и Поль Риве» [Дебец, Ольдерогге, Потехин 1957: 165–166].

Для развития деловых отношений с советскими учеными в 1957 г. Ф.Г. Рейни во второй раз посетил Советский Союз, в журнале «Советская этнография» опубликовали две его статьи [Рейни 1957, 1958]. С ответным визитом в научной командировке в США находился Г.Ф. Дебец: «Сохранились его короткие дневниковые записи о работе в Филадельфии в 1957–1958 гг. Работая в Американском музее естественной истории с коллекциями из древнеэскимосских могильников с Аляски, Г.Ф. измерял в день по 22–23 черепа. Это было очень большим объемом, учитывая, что исследование велось по максимально широкой программе» [Дубова 2004: 268]. Г.Ф. Дебец посетил ряд ведущих американских научных учреждений, в том числе Висконсинский университет в Мадисоне, где познакомился с У. Лафлином.

В 1957 г. с сотрудниками отдела Америки установил деловые отношения профессор Висконсинского университета, археолог

Честер Чард (Ch.S. Chard, 1915–2002), который занимался проблемой происхождения коренного населения Америки. Он несколько раз приезжал в Советский Союз, Ч. Чард и сотрудник отдела этнологии Мичиганского университета Джеймс Гриффин (J.V. Griffin, 1905–1997) повторили маршрут А. Хрдлички: они посетили Ленинград, Москву и Иркутск. Ч. Чард издавал журнал “Arctic Anthropology”, где публиковал статьи советских археологов, проводивших исследования древних культур Сибири. В журнале «Советская этнография» дважды публиковали его статьи [Чард 1962, 1967]. В течение длительного времени Ч. Чард поддерживал переписку с археологом Ниной Александровной Береговой (1895–1987) из ЛОИА и Э.В. Зиберт.

Деловые отношения с Э.В. Зиберт установила и Эрна Гюнтер (E. Gunter, 1896–1982). В 1919–1920 гг. она училась в Колумбийском университете у Ф. Боаса. В 1921–1966 гг. Э. Гюнтер преподавала этнографию в Университете штата Вашингтон в Сиэтле. В 50–60-е годы неоднократно посещала европейские музеи, в том числе и МАЭ, для изучения предметов культуры индейцев северо-западного побережья. В 1962 г. она подготовила выставку «Индийское искусство северо-западного побережья», которая демонстрировалась на Всемирной выставке в Сиэтле. Эта выставка принесла Э. Гюнтер известность среди американских этнографов. Но Э. Гюнтер не была первой назвавшей предметы материальной культуры индейцев произведениями искусства, еще в 1927 г. Ф. Боас опубликовал монографию «Примитивное искусство». Однако именно после выставки «Индийское искусство северо-западного побережья» за ремесленными изделиями аборигенов Америки закрепился статус уже не «примитивных», а настоящих произведений искусства. С 1974 г. в США издается журнал «Искусство американских индейцев» (“American Indian Art”).

* * *

В мае 1958 г. по инициативе К. Биркет-Смита и Х. Ларсена в Копенгагене состоялась Международная конференция по изучению археологии и этнографии народов Арктики. В ее работе приняли участие московские ученые С.П. Толстов, М.Г. Левин, Г.Ф. Дебеч и ленинградец А.П. Окладников. Советская делегация встретила с датскими исследователями: руководителем этнографического отдела НМД К. Биркет-Смитом, директором Арк-

тического института Х. Ларсеном, с 85-летним «патриархом эскимосологии» В. Тальбицером, а также с А. Кнутом, Э. Холтведом и с американцами Г. Коллинзом, Ф.Г. Рейни, И. Скарландом и другими специалистами по культуре эскимосов: «Основной научной задачей конференции <...> было подведение общих итогов исследования арктических стран и Субарктики в археологическом, этнографическом и антропологическом отношении и, в соответствии с этим, согласование планов дальнейших исследований в этих областях. Предполагалось также, что работа конференции должна привести к восстановлению международного комитета по изучению археологии, этнографии и антропологии Арктики и Субарктики, организованного еще в 1938 г. по инициативе датских и советских ученых, но не развернувшего своей деятельности вследствие Второй мировой войны. <...>

Советская делегация при этом передала в подарок Датскому национальному музею некоторые новые советские издания по археологии и этнографии, а также муляжи предметов из Уэленского могильника на Чукотке, который раскапывался экспедицией Института в 1957 г. Кроме того, им было сообщено, что Институтом истории материальной культуры АН СССР подготовлена к передаче музею в обмен на древние эскимосские коллекции из Гренландии большая коллекция материалов из неолитических погребений долины р. Ангары (исаковского, серовского, китойского и глазковского этапов)» [Левин, Окладников 1959: 148–149]. После поступления в 1958 г. в НМД археологической коллекции от ИИМК из Копенгагена в качестве ответного дара отправили археологическую коллекцию по эскимосам Гренландии (№ 6478). Она поступила в МАЭ из Москвы в 1959 г. При передаче коллекции отсутствовал список ее предметов. Сотрудники отдела составили опись коллекции, уточнения к которой сделал Х. Ларсен во время посещения музея в 1964 г.

Советским ученым предоставили возможность познакомиться с экспозицией и фондами НМД. Их особое внимание привлекли этнографические и археологические коллекции отдела Арктики по эскимосам Гренландии, Канады и Аляски: «В Национальном музее хранятся и экспонированы материалы по культуре Туле, переданные экспедицией, работавшей в 1920-х годах под руководством известного исследователя эскимосской археологии и этнографии Матиассена, значительная часть инвентаря из древ-

него поселения Ипиутак на мысе Хоп (Аляска) и ряд других. Нет сомнения в том, что каждый исследователь, работающий по этнографии и археологии Арктики, должен иметь возможность поработать в этом отделе» [Там же: 151]. В то время никто из советских исследователей не имел возможности по своему желанию приехать в Данию для научной работы. Возможно, это завуалированное предложение властям поддержать будущие советско-датские проекты в области археологии и этнографии народов Арктики. По итогам конференции в Копенгагене наметили обширную программу дальнейших исследований по научным проблемам, которые интересовали исследователей Арктики из США, Дании и СССР.

Следующим этапом развития сотрудничества между советскими и зарубежными специалистами стал XXXIII Международный конгресс американистов, состоявшийся в июне 1958 г. в городе Сан-Хосе в Коста-Рике. На этом конгрессе были представлены доклады М.Г. Левина, А.П. Окладникова и Г.Ф. Дебеца, посвященные результатам раскопок древнеэскимосского могильника в поселке Уэлен. Они дали обширный археологический и антропологический материал, позволивший более детально уточнить ряд вопросов, связанных с проблемой этногенеза эскимосов. Также на конгрессе в Коста-Рике был зачитан доклад Б.О. Долгих и Л.А. Файнберга «О некоторых характерных параллельных чертах в культуре самоедов и эскимосов» и доклады Ю.П. Аверкиевой и Ю.В. Кнорозова.

В конце 50-х годов советские ученые провели комплексное изучение народов Северо-Восточной Сибири, включая азиатских эскимосов, и ввели в научный оборот результаты своих исследований. Как упоминалось, С.И. Руденко опубликовал монографию по результатам археологических исследований на Чукотке, М.Г. Левин и Г.Ф. Дебеч публиковали результаты антропологических исследований, Г.А. Меновщиков и Е.С. Рубцова¹ — фольклор

¹ «В Сирениковской юитской школе на Чукотке с 1929 г. по 1932 г. работала учительница Е.С. Рубцова, имеющая большой педагогический стаж и опыт. <...> Член школьного совета Сирениковской школы, юит Маки, так отозвался об Е.С. Рубцовой прибывшему на ее место учителю Георгию Меновщикову: «В прошлый год у нас была очень хорошая учительница Рубцова, которая хорошо учила детей, помогала

эскимосов. Также появились интересные статьи по этнографии [Руденко 1949; Воблов 1952; Смоляк 1957]. Несмотря на «железный занавес», советские ученые стали полноправными участниками международного научного сообщества по изучению коренного населения Арктики и разрабатывали проблему заселения Америки. Благодаря международному сотрудничеству большинство отечественных и зарубежных исследователей отказались от необоснованных теорий в американистике: это теории об азиатско-американской цепи народов, заселении Алеутских островов через Командорские острова, формировании эскимосов во внутренних районах Канады, сходстве неолитических орудий Прибайкалья и Аляски, переселении эскимосов из Аляски на Чукотку.

Исследования Е.П. Орловой алеутов Командорских островов

Е.П. Орлова в 1949 г. по договору работала в МАЭ. Она подготовила разделы «Американские эскимосы» и «Население Гренландии» для первого тома книги «Народы Америки». В 1950 г. перешла на постоянную работу в ГМЭ, где до 1961 г. возглавляла отдел Сибири. По результатам изучения коллекций ГМЭ Е.П. Орлова опубликовала иллюстративный альбом «Чукотская, корякская, эскимосская, алеутская резная кость» [Орлова 1964]. По приглашению А.П. Окладникова в мае 1961 г. она переехала в Новосибирск. С 14 июля до 27 декабря 1961 г. находилась в этнографической экспедиции на Камчатке, где изучала ительменов, коряков, эвенов и алеутов, в августе–сентябре провела более тридцати дней на Командорских островах [Орлова 1962]. В 1963 г. Е.П. Орлова вышла на пенсию и вернулась в Ленинград. Она продолжила

работать кооперативу, организовала пошивочную женскую артель и еще взрослых учила по вечерам. Ее все очень любили, но она была женщина, и это плохо, потому что ее не слушали старые охотники, когда она говорила на собраниях о новых законах, о советской власти, о заготовке пушнины и морского зверя. Ее не слушали и не звали обмеривать шкуры морского зверя, когда сдавали в кооператив, и говорили: «Если будем шкуры мерить, то ничего не уьем в море и будет голод, потому что ‘хозяин моря’ будет сердиться, что слушали женщину» [Базанов, Казанский 1939: 119].

сотрудничество с коллегами из отдела Сибири и передала в МАЭ свои полевые и архивные материалы, включая личное дело.

Чтобы ввести в научный оборот результаты ее экспедиционных исследований по алеутам Командорских островов, приведем несколько цитат из рукописи Е.П. Орловой: «Первым алеутом, переселенным на остров Беринга, был Аликучагу (не отсюда ли происходит слово “алеуты”, которое в произношении самих алеутов звучит как алихутас?), окрещенный потом Захаром» [АМАЭ. Ф. 23. Оп. 1. № 20. Л. 8].

«В 1871 г. (спустя 4 года после продажи Аляски США) Командорские острова были переданы в аренду американскому торговому дому “Гутчинсон, Коль” на 20 лет. <...> Интересны воспоминания об этом периоде жизни нашей современницы — алеутки Анны Федоровны Паньковой: “Бабушка моя ‘на полный ход’ говорила по-американски, потому что, когда она была молода, американцы Линквист и Стенигер часто приезжали на Командоры и заходили к бабушке. Последний раз они приезжали в 1921—1923 гг. Они чувствовали себя хозяевами на Командорах, смеялись и шутили над женщинами. Женщины группами ходили за сараной и ягодами, американцы гнались за ними, ловили их или бросали в них разные предметы — потешались. В одну старуху чайником попали, ушибли сильно, но зато ей достался чайник. Мы долго смеялись потом”» [АМАЭ. Ф. 23. Оп. 1. № 20. Л. 9—10].

«В 1961 г. от алеутов узнала, что раньше для коллективного промысла они употребляли большую двенадцативесельную байдару “улухтах” с двойной кожаной обшивкой, на которую шло от 6 до 12 шкур сивуча; шили такую обтяжку женщины на улице всем коллективом. <...> Хорошо помнят и бесподобную по мореходным качествам байдарку “экъях” с одним люком, на которой охотник обычно в одиночку и выходил на охоту в море; байдарки с двумя люками конструировали для обучения морской охоте мальчиков лет 12. Каркасы “решетки” делали из легкого “выкидного” дерева, прибитого морем от берегов Америки. Для обтяжки однолючной байдарки требовалось две шкуры крупных сивучей. Люки на байдарках снабжались специальным поясом-обтяжкой “того”, шириной 40—50 см, сшитой из кожи сивуча и закрепленной на ободе люка полоской китового уса. Байдарки вышли из употребления в первой четверти XX в.; их вытеснили вельботы, моторные лодки и другой моторизованный флот. <...>

Сивучий пузырь — желудок “санхух” — всегда сохранялся. Выделанный “санхух” использовался как сосуд для хранения вяленой рыбы — юколы; в “санхух” маленького сивуча входит 50–60 штук обрезной юколы, а в “санхух” большого сивуча при умелой укладке — до 500–600 штук. Когда юкола уложена, “санхух” представляет собой плотно набитый тугой пакет, из него через горловину ртом высасывают воздух. Ю.А. Будакова, алеутка с острова Беринга, рассказывала, что “сразу видно, как воздух выходит из пузыря”. Затем горловину плотно завязывали ремешком или сухожильным шнурком. В такой упаковке в сенях, под крышей, юкола сохраняется целый год, не пылится и не плесневеет. В августе 1961 г. я видела небольшой “санхух” с юколой в сенях дома алеута С.Д. Березина. <...>

У алеутов Командорских островов до 40-х годов бытовали и часто исполнялись пять танцев, они иногда исполняются и в наши дни. Это “Балансах”, Кадриль, Восьмерка — “самый длинный и красивый танец” в их определении. Эти танцы, несомненно, заимствованы у служащих и администрации промыслов, но несколько видоизменены в зависимости от национального вкуса. Сохранились еще два действительно национальных танца-инсценировки — это “Тулукидах” и “Кагадугех”. В последнем передается жизнь охотника от ранней юности до старости. Танец этот исполнялся в национальной одежде: мужчины выступали в камлейках, торбасах из нерпичьей кожи с черными голенищами, поставленных на белые сивучьи подошвы, в деревянных шляпах, с копьями и стрелами в руках; женщины — в парках и шапках, сшитых из шкурок топорков и ипатов, или в тужурках, сшитых из рыбьей кожи; на ногах — торбаса с черными голенищами на белых подошвах. При исполнении танца “Тулукидах” мужчины выходили на середину обширной комнаты и принимались играть в бубны, ударяя по ним рукой, — колотушек для бубнов никогда не было. Бубны были небольшие, круглые, с подвесками или колокольчиками. В танце изображались различные сцены охоты на морских зверей. Женщины сидели справа от входа, хлопали в ладоши в такт игре бубнов и выкрикивали: “Хи-хи, ха-ха! Хи-хи, ха-ха!”.

С 1945–46 гг. танцы исполнялись уже в других костюмах: мужчины выступали во всем черном: костюм, галстук, но требовалась непременно белая рубашка. Женщины, все как одна, вы-

ходили в черных юбках и белых кофточках, на ногах — торбаса с черными голенищами, белыми подошвами и с белыми ремнями-завязками. По мнению алеутов, было очень красиво, стука не было никакого, а только шелестели по полу кожаные мягкие подошвы. В танцах держались всегда парами — мужчина с женщиной; однополые пары ни в коем случае не допускались в круг игры или танца, одиночки сидели у стен» [АМАЭ. Ф. 23. Оп. 1. № 20. Л. 28–30].